

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586

EDN: HIDRQA

Научная статья / Research article

Процессы сецессии и ирредентизма в Боснии и Герцеговине: история, состояние, перспективы

А.В. Шабага , С. Коёвич

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Цель исследования состоит в анализе политических процессов в Боснии и Герцеговине на фоне глубоких этнических и конфессиональных противоречий. В этой связи проблема сецессии и ирреденты в Боснии и Герцеговине рассматривается в широком историческом контексте. Феномен Боснии и Герцеговины показан как результат воздействия либеральных идей, во многом стимулировавших распад Югославии. Порожденные этим распадом ожесточенные военные конфликты привели к сецессионистско-ирредентистским проектам со стороны сербского и, отчасти, хорватского населения и бошняцким попыткам реинкарнации прежней (югославской) концепции, основанной на примате гражданства над другими формами идентичности. Исследованы варианты возможного устройства государства: унитаризм (за что выступают бошняки) или конфедерация (позиция сербского населения), в которой многие видят первый шаг к сецессии с возможностью последующего вхождения в сопредельное государство. Отмечено, что хорватские представители отдают предпочтение то унитарной, то конфедеративной теории государственного устройства в зависимости от статуса хорватского этноса в той или иной модели. В основе исследования лежит теория многополярного мира Е.М. Примакова, дающая возможность рассмотреть место Боснии и Герцеговины как в глобальном измерении, так и в региональном масштабе. Используется методология М. Вебера, согласно которой межэтнические противоречия предопределяются несоизмеримостью ценностей, переходя в отдельных случаях в редукцию религиозных догм в социальные нормы. Вывод состоит в том, что у балканских народов в силу ряда рассмотренных политических, конфессиональных и культурных причин сецессионизм и ирредента проявляются более сильно, чем у других народов Европы. В Боснии и Герцеговине эти процессы далеки от завершения и даже возможное вхождение в состав других конфедеративных объединений, например, ЕС, не станет надежной гарантией их прекращения.

Ключевые слова: Западные Балканы, Дейтонские соглашения, балканизация, югославизм, этнополитический конфликт, сецессия, ирредентизм, государственная и этническая идентичность

© Шабага А.В., Коёвич С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24.06.2024; принята к публикации 19.08.2024.

Для цитирования: Шаблага А.В., Коёвич С. Процессы сепарации и ирредентизма в Боснии и Герцеговине: история, состояние, перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 4. С. 568–586. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586>

Processes of Secession and Irredentism in Bosnia and Herzegovina: History, Status, Prospects

Andrey V. Shabaga , **Sara Kojovic**

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

 shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The purpose of the study is to analyze political processes in Bosnia and Herzegovina against the background of deep ethnic and religious contradictions. In this regard, the problem of secession and irredentism in Bosnia and Herzegovina is examined, considered in a broad historical context. The phenomenon of Bosnia and Herzegovina is shown as a result of the influence of liberal ideas, which largely stimulated the disintegration of Yugoslavia. The fierce military conflicts generated by this disintegration led to secessionist-irredentist projects on the part of the Serbian and, partly, Croatian population and Bosniak attempts to reincarnate the previous (Yugoslav) concept based on the primacy of citizenship over other forms of identity. In this regard, the options for a possible state structure are examined: unitarism (which the Bosniaks advocate) or confederation (the position of the Serbian population), in which many see the first step towards secession with the possibility of subsequent entry into a neighboring state. Croatian representatives prefer either a unitary or a confederative theory of state structure depending on the status of the Croatian ethnic group in one or another model. The analysis of the problem under study is based on the theory of the multipolar world by E.M. Primakov, which makes it possible to consider the place of Bosnia and Herzegovina both in the global dimension and on a regional scale. The study also uses the methodology of M. Weber, according to which interethnic contradictions are predetermined by the incommensurability of values, in some cases turning into the reduction of religious dogmas into social norms. The conclusion is that, due to a number of political, religious and cultural reasons considered, secessionism and irredentism are more pronounced among the Balkan peoples than among other peoples. Europe. At present, these processes are far from complete in Bosnia and Herzegovina, and even possible entry into other confederative associations, such as the EU, will not be a reliable guarantee of their cessation.

Keywords: Western Balkans, Dayton Peace Agreement, Balkanization, Yugoslavism, ethnopolitical conflict, ethnopolitical cleavage, irredentism, state and ethnic identity

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Article history: received 24.06.2024; accepted 19.08.2024.

For citation: Shabaga AV, Kojovic S. Processes of Secession and Irredentism in Bosnia and Herzegovina: History, Status, Prospects. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(4):568–586. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-4-568-586>

Введение

Исследуется боснийский феномен балансирования государства в условиях острых сепаратистских процессов. Нельзя сказать, что сепаратизм представляет собой новое явление для Европы в целом или Южной Европы в частности. В наше время он явно или латентно проявляет себя, как у ближних, так и относительно отдаленных соседей Боснии и Герцеговины. Но именно на территории Балкан и, в особенности, на постюгославском пространстве, проблема сепаратизма приобрела особое значение. Важной составляющей этой проблемы является неясность процесса этнического самоопределения с точки зрения современного международного права в силу противоречия между суверенитетом государств и правом народов на независимость. Подобный конфликт интерпретаций обычно ведет к тому, что результат движения за выделение части государства из его тела попадает в зависимость от позиции ведущих мировых держав.

История сепаратизма уходит в глубины тысячелетий. Иногда они стимулировались метрополиями, как один из способов решать внутренние проблемы и осваивать новые пространства. Примеров много, укажем на наиболее известные — сепаратизм финикийцев, греков, этрусков, скандинавов, малайцев, англичан и др. А иногда воспринимались болезненно: выход Венесуэлы и Эквадора из Великой Колумбии, Техаса из состава Мексики, попытки Конфедеративных Штатов Америки отсоединиться от США и т.п. В новой истории известны как более или менее успешные сепаратизмы (отделение США от Великобритании, Бельгии от Нидерландов, Норвегии от Дании, Индии от Великобритании, Эритреи от Эфиопии, Абхазии от Грузии, Южного Судана от Судана и др.), так и безуспешные (попытки отделения Катанги от Конго, Бифры от Нигерии, Западного Ириана от Индонезии и др.). Ряд стран переживает сепаратистские процессы в настоящее время. К ним относятся попытки выхода Квебека из состава Канады [1. С. 64–79], Каталонии из Испании [2, С. 167–173], Шотландии из Великобритании [3. Р. 177–186], Падании из Италии [4. Р. 88–91], Фландрии из Бельгии [5. С. 171–174], Гренландии из Дании [6. С. 128–131] и т.д.

Возвращаясь к Балканам, отметим, что сепаратистские процессы имеют там давнюю историю. Но если не погружаться в античные времена, когда Эпир отделялся от Македонии (III в до н.э.) [7], или в Средневековье, когда Дукалякское государство (располагавшееся на землях нынешней Боснии и Герцеговины) выделилось из состава Римской империи / Византии (1038 г.) [8. С. 74], а обратиться к относительно недавним, то сепаратистское движение приобрело особенный размах в XIX в. Вначале оно было связано

с деструкцией Османской империи и продолжилось в начале XX в. в ходе распада Австро-Венгрии. Процесс деления, выделения и отделения в регионе, во многом стимулируемый иностранными державами, шел не останавливаясь, то замедляясь, то ускоряясь, в течение всего XX в. В результате возник даже специальный термин, обозначающий последовательную фрагментацию государственных образований — балканизация [9. С. 198]. Текущее состояние этого процесса мы рассмотрим на примере Боснии и Герцеговины.

Анализ исследуемой проблемы базируется на теории многополярного мира Е.М. Примакова, дающей возможность рассмотреть место Боснии и Герцеговины как в глобальном измерении (как один из важных узлов международных отношений), так и в региональном масштабе (как совокупность политических, этнических, конфессиональных и иных составляющих, имеющих ярко выраженную историческую природу) [10. С. 159–160]. Методически исследование опирается также на концепцию ценностного конфликта М. Вебера, согласно которой столкновение обусловливается внутренней несоизмеримостью ценностей. М. Вебер даже прибегает к метафоре политеизма ценностей в смысле редукции религиозных догм в социальные нормы [11. С. 727], что особенно выпукло проявляется на примере политического конфликта в Боснии и Герцеговине, где столкновение подчас представляют как столкновение православия (сербы), католичества (хорваты) и ислама (бошняки). В силу этого, соотнесение норм с эмпирикой следует интерпретировать лишь имея в виду, что они «находятся в плоскостях совершенно гетерогенной проблематики» [12. С. 559].

Исторические особенности государственного строительства в Боснии и Герцеговине

Босния и Герцеговина, как государство, обретшее государственный статус после Боснийской войны 1992–1995 гг., представляет особый феномен даже на фоне экзотики политических образований, возникших на современных Балканах и связанных с этим проблем (с признанием у Косово, с названием у Македонии, пограничными спорами между рядом стран и т.п.). Начать с того, что Босния и Герцеговина, будучи федерацией, включает в себя еще одну федерацию с тем же, как это ни странно, названием. То есть Босния и Герцеговина состоит из Федерации Боснии и Герцеговины, Республики Сербской и округа Брчко. Еще одной важной особенностью этого государства является то, что населенная преимущественно сербами Республика Сербская непосредственно примыкает к Сербии, что, соответственно, является крепкой основой для ирредентистского движения. Не стоит забывать и хорватское население Боснии, в среде которого популярны идеи воссоздания прекратившей существование в 1994 г. Хорватской республики Герцег-Босны с последующим вхождением в состав Хорватии.

Так что говорить об устойчивом формировании современных границ в западнобалканском регионе пока еще рано.

И прежде всего потому, что после распада Югославии на ее территории возник целый ряд государств, не имеющих сколько-нибудь стабильной истории государственности. В XX в. их существование в тех или иных границах было определено, по большей части, автономным (областным, республиканским или краевым) статусом внутри югославского государства, являющимся по сути, административно-территориальным разграничением. При этом у всех новообразованных государств был неоднородный этнический состав, отягощенный прошлыми междоусобными конфликтами. Но даже среди бывших югославских республик Босния и Герцеговина занимает особое место. Государственное устройство Боснии и Герцеговины — одно из самых сложных в Европе, что порождает выраженные центробежные тенденции, сдерживаемые только постоянным внешним давлением. Крупные державы традиционно стремились повлиять на судьбы населения этого образования, которое подчас называют «малой Югославией». В силу чего созданная в Боснии и Герцеговине модель международного присутствия характеризуется масштабностью, глубиной внешнего вмешательства в различные внутренние процессы, что, естественно, приводит к формам управления, далеким от демократии.

Специфика Боснии и Герцеговины в том, что ее настоящее как бы «застыло» между прошлым и будущим. На дискуссии о прошлом и о возможном развитии государства и общества в будущем тратится такой объем социальной энергии, что на текущие изменения сил, как правило, не хватает. При расхождении в понимании исторического прошлого и бесконечных обсуждениях противоречивых вариантов интеграционного будущего едва ли можно выйти на понимание того, как рационально ответить на вызовы настоящего. Отсутствие внятной внешней и внутренней политики в Боснии и Герцеговине влияет на расширение иррационального политического пространства, в котором руководящие партии, несмотря на кажущиеся противоречия, чувствуют себя как рыба в воде. При полном разногласии, конфликтах и противоречии правящих элит историческое наследие понимается не как проблема, требующая решения, а используется как неисчерпаемая сокровищница для аргументов политических противостояний и завоевания власти. Вызовы будущего, напротив, служат источником аргументов в пользу того, что все существующие проблемы будут решены в будущем, «когда мы вступим в Евросоюз». Представители правящей партии (Партия демократического действия)¹ выводят причины всех важных проблем из прошлого, де-

¹ Партия демократического действия. URL: <https://www.sda.ba/> (Дата обращения: 11.05.2024).

легируют решение будущему [13. С. 258] и используют общественные СМИ для создания виртуального настоящего.

В то же время нельзя сказать, что Босния и Герцеговина во всех отношениях является исключительным случаем на континенте, ведь и у других стран Европы было сложное историческое наследие, оставившее свои проблемы. Суть не в том, есть ли в стране внутренние проблемы и конфликты, а в том, как государство решает их в различных исторических обстоятельствах. Но руководство Боснии и Герцеговины не решает проблем, стоящих перед государством, и не проводит активную политику, направленную на развитие общества. В сложном историческом наследии Боснии и Герцеговины всегда можно найти аргументы для уклонения от надлежащих изменений. Именно поэтому у правящих элит есть неисчерпаемые «ресурсы» оправдания неэффективного управления. Историческое наследие может быть использовано как источник опыта, полезного для определения новой политики в государстве, но также может быть использовано и для углубления конфликтов. Оно может быть как негативным, так и позитивным, в зависимости от того, какие отношения устанавливаются с его сущностным содержанием. Историческое наследие в Боснии и Герцеговине все чаще становится предметом манипуляций стоящих у власти партийных элит, которые не хотят преодолевать исторические противоречия, поскольку они представляют собой идеологическую «мину» для завоевания и удержания власти [14. С. 22]. Рациональное отношение к прошлому в политической системе Боснии и Герцеговины предполагает более ответственное правительство, которое было бы в состоянии дать реалистичную проекцию будущего развития государства и общества. У сегодняшних правящих элит таких проекций и ответственности нет.

Босния и Герцеговина — страна, само существование, функционирование, цели и принципы которой подчас вызывают непонимание даже у крупнейших специалистов в области истории, политики, экономики, права и других наук. Совокупность знаний о Боснии и Герцеговине очень трудно собрать в одно непротиворечивое целое. Понятно, что все страны Западных Балкан специфичны, но Босния и Герцеговина сама по себе является парадоксом и наиболее выразительным примером политического феномена. Одно из ее существенных отличий заключается в том, что она обладает многими признаками несостоявшегося государства. Во-первых, это проявляется в полном несоответствии политической реальности с представлениями правящих кругов о способах управления и принципах функционирования государства. Во-вторых, Босния и Герцеговина более 30 лет является инструментом мировых держав для реализации их национальных интересов. Кроме того, Босния и Герцеговина — мировой уникал по своему государственному устройству. При его внешне республиканском характере Босния и Герцеговина не определяет себя как республику из-за сложности единиц, на которые она разделена

(образования и кантоны) и, по этой же причине, лишена возможности функционировать в этом качестве.

Согласно конституции, предложенной в Общем рамочном мирном соглашении по Боснии (Дейтонское соглашение) и подписанной 14 декабря 1995 г. в Париже, государство Босния и Герцеговина состоит из двух образований: мусульmano-хорватской Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) — 51 % территории и Республики Сербской (РС) — 49 % территории страны². В системе госуправления пропорционально представлены три основных народа: бошняки (славяне, принявшие ислам), сербы (православные) и хорваты (католики). При этом страна управляется через высокого представителя международного сообщества (пост создан в соответствии с Дейтонским соглашением), который назначается руководящим комитетом Совета по выполнению мирного соглашения после одобрения кандидатуры Советом Безопасности ООН. Функции главы государства в Боснии и Герцеговине выполняет коллективный орган-президиум. По конституции, он состоит из трех человек: серба, хорвата и бошняка, избираемых одновременно на четыре года прямым голосованием. Хорват и бошняк избираются в ФБиГ, а серб — в РС [15. С. 75–80].

Нечто подобное уже практиковалось ранее Западом. Апробация этого внешне демократического способа управления страной, навязанного Францией Ливану, где власть была поделена между представителями разных конфессий, привела к затяжному кровопролитному конфликту, не нашедшему окончательного разрешения до сих пор. Разделы сначала Югославии, а затем ее частей (отделение Косово, уничтожение союза Черногории и Сербии, разделение Боснии и Герцеговины на энтитеты и другие формы дифференциации) привели к востребованию уже известного исторической науке термина «балканизация», который обозначает как внутреннее дробление страны, так и состояние постоянного конфликта между соседними государствами из-за спорных территорий и положения этнических групп, проживающих вне их стран [16, С. 76]. Балканизация является закономерным следствием многолетней эгоистичной «игры» крупных европейских и мировых держав на противоречиях, как между вновь возникшими балканскими государствами, так и между населяющими их народами. В этом смысле войны на постюгославском пространстве 1991–1995 гг., к которым относится и боснийская, имеют схожую природу с балканскими войнами начала XX в.

Поэтому специфику феномена Боснии и Герцеговины невозможно понять без анализа распада Югославии, гражданской войны на ее территории и обособленных интересов каждой из трех этнических групп, входящих в ее состав.

² Конституция Боснии и Герцеговины от 14 декабря 1995 года. URL: [https://www.ohr.int/ohr-dept/legal/laws-of-bih/pdf/001 %20-%20Constitutions/BH/BH%20CONSTITUTION%20.pdf](https://www.ohr.int/ohr-dept/legal/laws-of-bih/pdf/001%20-%20Constitutions/BH/BH%20CONSTITUTION%20.pdf). (Дата обращения: 20.08.2023)

При распаде Югославии политические представители хорватов и бошняков пытались решить государственный вопрос Боснии и Герцеговины так, как это было сделано в Словении и Хорватии (т.е. абсолютного господства титульного этноса). При этом существенные различия между Боснией и Герцеговиной и вышеупомянутыми республиками не принимались в расчет. Они заключались, в частности, в том, что в отличие от Словении и Хорватии, где титульный этнос имел подавляющее численное преимущество по отношению к другим народам, в Боснии и Герцеговине титульная нация составляет только половину всего населения. С исчезновением югославского государства исчез внешний стабилизирующий фактор Боснии и Герцеговины, а с крушением ориентированной на интернационализм коммунистической идеологии обострились межнациональные противоречия. События периода распада югославского государства подтвердили, что функционирование Боснии и Герцеговины как устойчивого конструкта зависит от интегрирующих факторов более широкого государственного сообщества, поскольку последние пять веков большая часть Боснии и Герцеговины входила в многосоставные образования (Османская империя, Австро-Венгрия, Югославия в различных вариантах). В конце XX в., с распадом внешней югославской интегрирующей на первый план вышли внутренние движения этнических объединений, которые, по сути, стали поддерживать национализм друг друга.

Конституция Югославии 1974 г. стала реальной основой для независимости Македонии, Словении и Хорватии, а в дальнейшем для отделения Черногории от Сербии. Что касается Боснии, то конституция Югославии 1974 г. было недостаточно для возможности провозглашения ее государством. С одной стороны, конституция допускала независимость Боснии и других республик, но, с другой стороны, Босния сама имела конституцию, в которой было зафиксировано такое положение трех основных этносов, что каждый из них мог претендовать на создание собственного государственного образования. А поскольку в боснийской конституции отсутствовало положение о статусе государства [17. С. 291–295], между сербами, хорватами и бошняками возник конфликт, который сделал возможным иностранное вмешательство во внутренние дела страны и привел к международному арбитражу. Запрос правительства Боснии и Герцеговины от 21 декабря 1991 г. о международном признании был оспорен из-за противодействия сербских министров, поэтому он был принят только путем переголосования. Международное сообщество, которое представляла комиссия Р. Бадинтера, истолковала это в том смысле, что просьба Боснии и Герцеговины о международном признании может быть легитимной лишь после референдума [18. С. 74–75].

В это время Боснию и Герцеговину раздирали центробежные тенденции. Одна часть ее правительства направляла свои усилия на обеспечение международного признания независимого государства бошняков и части хорватов. Другая часть пыталась создавать альтернативные ветви власти (Ассамблея

сербского народа, хорватская община Герцег Босны, создание сербского государственного образования). Иными словами, распад Югославии явился стимулом дальнейшего распада Боснии и Герцеговины. Расхождения подогревались различием позиций относительно так называемой Малой Югославии (союза Сербии и Черногории, существовавшего в 1992–2006 гг.). Бошняки и хорваты были за независимое государство Босния, а сербы — за пребывание Боснии и Герцеговины в составе нового югославского государства [17. С. 291–295]. При этом процесс зашел настолько далеко, что вмешательство международного сообщества стало многим казаться необходимым в урегулировании государственного статуса Боснии и межэтнических отношений в этой стране [19. С. 124].

Одним из самых спорных государственных вопросов в Боснии стала форма ее государственного устройства, по поводу которой также возникли межэтнические противостояния. Сербские представители в основном исходили из того, что образования (Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины) создали Боснию и Герцеговину как общее государство на конфедеративной основе. Что не должно было входить в противоречие с Дейтонским соглашением как международным договором, где подобные образования могут являться носителями суверенитета. Созданное таким путем государство, не имея первоначально компетенций и полномочий, приобретает их в ходе своего развития через решения субъектов. Иными словами, компетенции государства состоят из тех властных функций, которые субъекты соглашаются им передать. На основании договора о конфедерации субъекты имеют право выйти из совместного государства, присоединиться к одному из соседних государств или объявить себя независимыми государствами.

Но подобное (конфедеративное) истолкование не нашло поддержки у инициаторов Дейтонского соглашения. В результате Республика Сербская и Федерация Боснии и Герцеговины не вели друг с другом переговоров как международные образования и не подписывали соглашения о создании общего государства Босния и Герцеговина. Боснийские представители исходили из теории, что такие образования являются временной и переходной фазой и что Дейтонское соглашение является международным соглашением между Сербией, Хорватией, Боснией и Герцеговиной. Учитывая, что образования являются временными, они со временем ослабнут и трансформируются в регионы, а все государственные дела перейдут на административный уровень институтов Боснии и Герцеговины. Вышеупомянутая унитарная теория вполне правомерна, но она также не имеет под собой основания в Дейтонском соглашении. Хорватские представители отдают предпочтение то унитарной, то конфедеративной теории государственного устройства Боснии и Герцеговины в зависимости от статуса хорватской нации в том или ином случае [20. С. 65–69]. Как справедливо отмечал

сербский и боснийский ученый Райко Кузманович, «Боснию и Герцеговину можно рассматривать как федерацию, конфедерацию, конфедеративно-федеральный союз, асимметричную федерацию-конфедерацию или союз. Все зависит от распределения юрисдикции между государством и образованиями» [21. С. 297–298]. Эта двусмысленность является следствием того, что конституция не определяет тип государства Боснии и Герцеговины. Отсутствие определенности в конституции ведет к путанице, и потому эксперты предпочитают называть такой формат сложным или специфическим [20; 21].

В Республике Сербской принято считать, что Босния является конфедерацией, поскольку она была образована двумя государствами — Республикой Сербской и Федерацией Боснии и Герцеговины (сегодняшними образованиями в Боснии и Герцеговине). То есть в качестве точки отсчета принимаются события 1992–1995 гг., когда Республика Сербская пыталась отстоять провозглашенную независимость. В противоположность этому, сторонники идеи федерации указывают на то, что эти два образования никогда не были государствами и что Босния и Герцеговина просто продолжает свое существование на основе суверенитета Республики Боснии и Герцеговины, присоединившейся к ООН в мае 1992 г. (что также записано в Дейтонской конституции)³. В этой связи особый интерес вызывает то, что Босния и Герцеговина не только не была создана своими образованиями, но и не создала собственные образования. В результате учреждения уровня Боснии и Герцеговины не могут конституционным образом менять государственный статус образований (энтитетов), а образования (энтитеты) не могут конституционно нарушать целостность государства Босния и Герцеговина.

Государственные учреждения образований и государственные учреждения Боснии и Герцеговины представляют собой одну государственную власть, которая осуществляется на двух уровнях. Образования и Босния и Герцеговина не существуют как две противоположные категории, потому что нет Боснии вне образований и нет образований вне Боснии, так как полномочия государства на уровне образований и на уровне Боснии и Герцеговины определяются конституцией Боснии и Герцеговины в одном акте, одновременно и с одинаковой юридической силой². Такое положение вещей вносит определенную путаницу в функционирование государственного аппарата, что осложняется еще и тем, что особое место в стране занимает верховный представитель ЕС с полномочиями от ООН, который может вмешиваться в принятие решений на любом уровне вплоть до снятия с должности любых должностных лиц. В силу этого некоторые западные авторы предпочитают определять Боснию и Герцеговину как кондоминиум,

³ Дейтонское соглашение. Канцелярия Высокого представителя. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/?lang=en> (Дата обращения: 11.05.2024).

поскольку государство подчиняется юрисдикции верховного представителя Европейского Союза [22. Р. 222–225]. Однако, по мнению Р. Кузмановича, это обстоятельство ограничено по времени и полномочиям [21. С. 297–298].

Борьба концепций как выражение ценностного конфликта

Такое положение дел дает основания для определения Боснии и Герцеговины и как формирующегося федеративного государства, и как несостоявшегося государства (failed state). С распадом Югославии рухнул и общий суверенитет трех наций в Боснии и Герцеговине. Каждая из них через своих представителей стала инициировать собственные законы о государственном строительстве с намерением поддержать себя, не принимая во внимание интересы других этносов. Спорными явились практически все вопросы, важные для функционирования государства, а политические конфликты и теоретические споры определялись принадлежностью к той или иной национальности [21. С. 10–15]. Сегодня представители сербов все чаще высказывают мнения о том, что Босния и Герцеговина не выживет как государство и ее ждет распад. Представители боснийцев выражают твердую позицию в отношении того, что государство Босния и Герцеговина является постоянной величиной и его распада быть не может, демонстрируя, тем самым, готовность отстаивать его государственную целостность. Что касается представителей хорватов, то с началом югославского и боснийского кризисов их отношение к государственному устройству Боснии и Герцеговины менялось в зависимости от конкретных обстоятельств [21. С. 10–15].

Один из самых спорных вопросов относительно формы государства и функционирования политической системы является проблема генезиса. Предметом дискуссии стал «вопрос первородства»: что в стране возникло раньше — этносы или государство. С ответом на этот вопрос связывали либо правомерность широкой автономии с последующей возможностью сепарации, либо неделимость государства даже при наделении его частей элементами самоуправления.

В свое время М. Вебер предложил три основные концепции происхождения власти, и все они в той или иной мере имеют отношение к Боснии: традиционная власть, опирающаяся на издревле существующие нормы и обычаи, главным образом этно-конфессиональной природы; рациональная власть, связанная с элементами бюрократической структуры, возникшей в результате собственной социальной эволюции или унаследованной от управленческой иерархии прежних протекторов (Османской империи, Австро-Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев); харизматическая власть, основанная на безусловной вере в личность руководителя [23. С. 675] (в данном случае: многолетняя вера в лидера Югославии — И. Броз Тито). В современной Боснии и Герцеговине вопрос о происхождении власти имеет существенное

политическое значение, и поиски ответа вполне вписываются в парадигмы, заданные М. Вебером.

Создание наций в Боснии и Герцеговине объясняют, обращаясь по преимуществу к двум концепциям. Одна делает упор на естественную природу образования наций, когда они из этнической общности в ходе социально-исторического процесса приобретают признаки явной политической и, тем самым, национальной структуры. Другая концепция связывает возникновение нации с принуждением государства, учреждающего нацию силами своей бюрократии. С нашей точки зрения, процесс национального строительства Боснии и Герцеговины в течение сотен лет шел обоими путями, и лишь во второй половине XX в. был осложнен волевыми решениями И. Броз Тито, внесшего свой вклад в эти процессы (в частности, утвердившего этническую идентификацию бошняков, как мусульман). Иными словами, существовавшие сотни лет традиционные связи, являющиеся основанием этно-конфессиональных идентичностей народов Боснии и Герцеговины, долгое время находились в латентном конфликте с рациональной властью. Но кризис югославской государственности в начале 1990-х гг. привел к утрате прежней бюрократией властных функций, спровоцировав тем самым отчаянную конкуренцию носителей традиционных ценностей за установление новых отношений на основе своих этно-конфессиональных норм.

Что касается рациональной парадигмы, следует отметить, что на формирование государственного самосознания через привитие государственных норм и ценностей наряду с внутренней оказывала влияние и бюрократия внешняя, поскольку страна со второй половины XII в. и вплоть до вхождения в состав Османской империи в XV в. (за исключением столетнего периода существования Боснийского королевства), испытывала сильнейшее влияние Византии, Хорватии и Венгрии. Это подразумевало навязывание государственных ценностей и идентичности по устраивающему их образцу, не принимая изначального национального и конфессионального тождества. Навязанные нормы существовали в стране относительно долго (видоизменяясь изоморфно власти), но, с исчезновением их источника, они перестали воспроизводиться, уступив свою роль традиционным нормам. В этом отношении наиболее показателен крах «югославянства», старательно возвращаемого в течение шестидесяти лет XX в. и стремительно рухнувшего чуть ли не за один год.

Влияние либеральных идей, во многом стимулировавших распад Югославии посредством ожесточенных военных конфликтов, повлияло и на попытки создания новой концепции — концепции гражданской нации. В качестве образца, по всей видимости, были взяты восходящие к Великой французской революции (и развиваемые в течение многих десятилетий от Ж. Ренана до Э. Геллнера и Ю. Хабермаса) идеи примата гражданства над другими формами идентичности. Общий смысл боснийского варианта

гражданского общества заключался в утверждении, что государство в Боснии возникло раньше наций и конфессионального противостояния. Отчасти это верно, ибо, если взять в качестве непосредственного предшественника Боснийское королевство XIV–XV вв., то этническое и конфессиональное противостояние в этом мощном и, казалось бы, жизнеспособном государстве, действительно, не имело существенной остроты. Оставляя в стороне обстоятельство, что тогдашнюю Боснию населяли не граждане, а подданные, укажем на смысл парадигмы, заключающийся в декларации приоритета государственной (понимаемой сейчас в качестве гражданской) идентичности над всеми остальными.

Реализация этой концепции на практике означала бы установление гражданского суверенитета и унитарного государственного строя. Согласно ей, народ Боснии состоит из боснийцев исламской, католической и православной конфессий. Из этого следует, что нации утрачивают имеющиеся сейчас конституционные права и носителями суверенитета становятся граждане. Против концепции гражданской нации выступают большинство хорватов и сербов, так как бошняки, являясь большинством населения (хотя и крайне незначительным — 50,1 %) могут воспользоваться этим преимуществом в ходе голосования по жизненно важным вопросам [20. С. 25–30]. Критики концепции указывают на то, что она противоречит историческим фактам, так как до 1946 г. Босния существовала лишь в виде областей (бановин), и не обладала государственностью на уровне федерального или какого-либо другого государственного образования.

Сторонники теории, противостоящей «гражданской», исходят из того, что три этноса (сербы, бошняки и хорваты) возникли до формирования государства и, в силу этого, объем этнического суверенитета в Боснии и Герцеговине органически превосходит масштаб любого другого вида власти. Если три этноса появились на территории будущей Боснии и Герцеговины раньше государства, то они имеют право создавать свои отдельные государства, а Босния и Герцеговина в таком случае может служить лишь общим каркасом, объединяющим национальные государства. В предельном понимании этого тезиса Боснии и Герцеговине отказывают в государственности, говоря лишь о возможности надгосударственного союза, сохраняющего актуальность до тех пор, пока национальные государства не обретут полноценность. То есть речь идет о конфедерации, население которой будет представлять собой «механическое собрание членов трех этнических наций» [20. С. 30–33]. Ясно, что в большинстве своем бошняки выступают против таких предложений, тогда как хорваты и сербы выступают за. Вопрос о том, кто является и кто должен являться носителем суверенитета, был важнейшим во время войны 1992–1995 гг. и, поскольку среди политических элит страны до сих пор нет консенсуса, остается таковым и по сегодняшний день.

Специфика Боснии и Герцеговины заключается также в том, что ее стабильность зависит не только от межэтнического сотрудничества внутри страны, но и от отношений с соседними государствами — Сербией и Хорватией. Сербско-хорватский конфликт в процессе распада бывшего югославского государства дестабилизировал Боснию и Герцеговину. Сербь из Боснии были за вхождение в Малую Югославию, хорваты из Боснии — за объединение с хорватским государством, а бошняки лавировали между этими двумя вариантами, в итоге выбрав государственную независимость Боснии и Герцеговины. Здесь стоит отметить, что народы, входившие ранее в объединенное Государство сербов, хорватов и словенцев, Королевство Югославию и Социалистическую Федеративную Республику Югославию, по-разному осознавали и реализовывали свою государственность. Словенцы и хорваты понимали югославское государство как преходящую необходимость в процессе создания национальных государств, полагая их формирование своим законным правом. Сербь связывали свою государственность и национальный интерес с югославизмом, под которым понимался союз славянских народов Балкан (хотя одно время рассматривался вариант Балканской федерации с Албанией, Грецией и Румынией), в котором сербь играли бы роль первых среди равных. В силу стечения исторических обстоятельств были реализованы законные интересы Хорватии и Словении, а сербская Югославия распалась. Таким образом, с самого начала создания объединенного югославского государства Босния и Герцеговина находилась в промежуточном положении, будучи объектом, на который были нацелены, как сербские, так и хорватские государственные интересы [24. Р. 122–124].

В этом смысле процесс создания государства, и особенно Боснии и Герцеговины, трудно рассматривать в статике, основывая анализ только на одном историческом моменте или событии (как делают некоторые, считая исходным пунктом войну 1992–1995 гг.). В опубликованных научных работах и политических взглядах в Боснии и Герцеговине доминируют два подхода. Один (который по большей части разделяют бошняки) берет за отправную точку Средневековье, пытаясь установить преемственность Боснии и Герцеговины от Средних веков до современности [25. Р. 23–28]. Вторая точка зрения, преимущественно сербская, отталкиваясь от Дейтонского соглашения 1995 г., состоит в том, что существование государственности Боснии не было вплоть до заключения этого соглашения [6. С. 33].

Каждая из этих точек зрения выражает вполне определенную позицию и потому исходным пунктом назначает ту дату, которая наиболее соответствует политическим претензиям. Похожая ситуация была в XIX в., когда возникли и одно время конкурировали между собой три проекта, имевшие прямое отношение к Боснии и Герцеговине. Первым был «Великосербский», выдвинутый сербским министром И. Гарашанином, предполагавший постепенное включение Боснии и Герцеговины в состав Сербии [27. С. 243–248]. Второй

проект, носящий название «иллиризма», отстаивал хорватский просветитель Л. Гай [28. Р. 132.]; проект предполагал создание единого государства для южных славян с общим для всех сербско-хорватским языком. И, наконец, третий — «боснийский» проект, направленный на формирование из сербов, хорватов и бошняков новой боснийской идентичности, активно продвигался австро-венгерским министром Б. Каллаи [29. Р. 104.].

На сегодняшний день определенное значение сохранили первый и третий проекты. Конечно, с известными изменениями, учитывающими политическую трансформацию, произошедшую за полтора века. Республика Сербская сейчас, судя по всему, стремится в несколько приемов: через автономию, независимость, а затем союз — войти в состав Сербии [30. С. 289–320.]. В случае успешного продвижения этого проекта по сербскому пути попробуют пойти хорваты (попытавшись присоединиться к Хорватии). Что касается бошняков, то они выступают за единство Боснии и Герцеговины, имея в виду примерно тот же тип идентичности, что пытался реализовать в стране Б. Каллаи. Что касается иллирийского проекта, вполне созвучного югославизму, то, вероятно, он почил вместе с И. Броз Тито. В связи с последним (Тито был хорватом по отцу) любопытно проследить хорватскую составляющую иллиризма: задолго до Л. Гая схожие проекты выдвигали В. Прибоевич (XVI в.) и известный в России Ю. Крижанич (XVII в.), ратовавший за объединение всех славян [31. С. 637–657].

Исходя из изложенного следует, что исторически к сецессии были более склонны словенцы и хорваты. У хорватов сецессионизм был осложнен и ирредентизмом. В ходе Второй мировой войны они не только выделились из состава Югославии, образовав под покровительством немцев так называемое «Независимое государство Хорватия», но и включили в него всю территорию Боснии и Герцеговины (хотя хорватское население там представляло меньшинство). Справедливости ради отметим, что ирредентизм свойственна в той или иной степени всем странам Балкан и даже пограничным с ними государствам (например, Венгрии) [32]. Ирредентизм бошняков отличается тем, что он носит как бы «внутренний» характер. В отличие от венгров, которые «окружены» венграми, проживающими в соседних государствах, бошняки соседствуют в своем государстве с близкородственными этносами и пытаются подчинить их с помощью бюрократических процедур.

Для этого случая особый интерес представляет то, что ирредентизм бошняков направлен на сохранение государства, во многом подобного тому, из которого они с трудом вышли. Взамен государства, в котором главную роль играли сербы, хорваты и словенцы (и даже одно время были титульными нациями) на Балканах возникло государство, где основными этносами явились сербы, хорваты и бошняки. Приведет ли такое проявление «югославизма» к схожей судьбе, пока сказать трудно, но тенденции явно схожие.

Заключение

В заключение отметим, что проблема сецессионизма в бывших югославских республиках, имея исторические и конфессиональные корни, является важным фактором политических процессов, происходящих в Боснии и Герцеговине. В 1990-е гг. сецессионистские процессы поддерживались странами Запада в целях стимулирования распада Югославии. Однако и после состоявшегося распада эти идеи по-прежнему актуальны для политических кругов Балканского региона. В XXI в. они пользуются наибольшей поддержкой в Боснии и Герцеговине, а также в Северной Македонии. И даже гипотетическое вхождение этих стран в Европейский Союз вряд ли внесет в решение этой проблемы кардинальные изменения. История Балкан показывает, что инкорпорация в состав крупных государственных образований (Османская империя, Австро-Венгрия, Югославия) не является надежной гарантией от сецессионизма и ирреденты. Что касается Боснии и Герцеговины, то в случае включения в ЕС ирредентистские процессы могут там даже усилиться, получив дополнительные основания в собственной интерпретации концепции «Европы регионов».

Список литературы

1. Барановский К.Ю. Квебекский сепаратизм — острая проблема Канадской федерации // США & Канада: экономика — политика — культура. 2001. № 11. С. 64–79.
2. Хенкин С.М. Сепаратизм против государства: случай Каталонии // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 167–173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>
3. Muro D., Vidal D., Vlaskamp M.C. Does international recognition matter? Support for unilateral secession in Catalonia and Scotland // Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. № 1. P. 177–186. <https://doi.org/10.1111/nana.12557>
4. Egorova M. North of Italy the secession or federal reform? // Geopolitica. 2009. № 30. P. 88–91.
5. Осколков П.В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 5 (56). С. 171–174. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182>
6. Криворотов А.К. Гренландия и Дания: арктический сецессионизм в силовом поле мировой политики // Контуры глобальных трансформаций. 2021. Т. 14. № 1. С. 128–131. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-6>
7. Юстин М.Ю. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiarum philippicarum» = Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi / пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского; вступ. ст. К.К. Зельина; коммент. К.В. Вержбицкого, М.М. Холода. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 490 с.
8. Летопись попа Дуклянина / перевод и комментарий С.В. Алексеев. СПб. : Петербургское востоковедение, 2015.
9. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918. Минск, 2002.
10. Примаков Е.М. Мысли вслух. М., 2011.
11. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990.
12. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Избранные произведения. М., 1990.

13. *Tatham M., Thau M.* The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels // *European Union Politics*. 2014. Т. 15. № 2. Р. 145–178.
14. *Микеш М.* Босна и Херцеговина и владавина права. Атлантик, Бања Лука: Атлантик, 2008. 280 с.
15. *Пономарева Е.Г.* Новые государства на Балканах. М. : МГИМО-Университет, 2010. 252 с.
16. *Чуних Ч.* Од владавине контролисаног хаоса до добро уређеног демократског поретка, Нова српска политичка мисао. Београд : Нова српска политичка мисао, 2001.
17. *Кузмановић П.* Уставно право. Бањој Луци : Правни факултет, 2002.
18. *Поплашен Н.* Рушење Дејтона. Бања Лука : Институт за међународно право и међународну пословну сарадњу, 2001.
19. *Ramet S.P.* Balkan babel: the disintegration of Yugoslavia from the death of Tito to the fall of Milošević. Routledge, 2018. 452 p.
20. *Нешковић П.* Недовршена држава. Политички систем Босне и Херцеговине. Сарајево: Friedrich Ebert Stiftung, 2013. 482 с.
21. *Кузмановић П.* Есеји о уставности и државности. Бања Лука: Центар за публикације Правног факултета, 2004. 398 с.
22. *Calic M.J.* Geschichte Jugoslawiens im 20. Jahrhundert, Wien: CN Beck. 2010. 410 s.
23. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М., 1990.
24. *Sundhaussen H.* Jugoslawien und seine Nachfolgestaaten 1943–2011: Eine ungewöhnliche Geschichte des Gewöhnlichen. 2. durchgesehene Auflage. Böhlau, Wien, 2014. 525 s.
25. *Stojanović D., Kamberović H.* Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama — Kontroverze, interpretacije, nasljeđe. Sarajevo, 2020. 296 s.
26. *Крајишник М.* Како се рађала Република Српска. Бања Лука: Бесједа, 2016. 612 с.
27. *Никифоров К.В.* «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. 256 с.
28. *Karaula Ž.* Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: “Kako je postao Ilirizam?” // *Zbornik Janković*. 2019. № 4. Р. 112–138.
29. *Feldman A.* Kállay’s dilemma on the challenge of creating a manageable identity in Bosnia and Herzegovina (1882–1903) // *Review of Croatian History* 2017. Vol. XIII. № 1. Р. 98–115.
30. *Третьякова М.* Македонија-2001. Новый виток кризиса: исторические предпосылки и политические последствия. М., 2021.
31. *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965.
32. *Vachmann K.* Orban-Rhetorik sorgt in Slowakei für düstere Vorahnungen // *Wiener Zeitung*. 7 März 2016.

References

1. Baranovsky KY. Kvebekskii separatizm — ostraya problema Kanadskoi federatsii [Quebec Separatism — an Acute Problem of the Canadian Federation]. *USA&Canada: Economy — Politics — Culture*. 2001;(11):64–79. (In Russ.).
2. Khenkin SM. Separatism against the State: the Case of Catalonia. *Polis. Political Studies*. 2018;(3):167–173. (In Russ.). <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.11>
3. Muro D, Vidal D, Vlaskamp MC. Does international recognition matter? Support for unilateral secession in Catalonia and Scotland. *Nations and Nationalism*. 2020;26(1):177–186. <https://doi.org/10.1111/nana.12557>
4. Egorova M. North of Italy the secession or federal reform? *Geopolitica*. 2009;(30):88–91.
5. Oskolkov PV. Separatism in the ideology and practice of Flemish right-wing populist parties. *Vestnik MGIMO-universiteta*. 2017;56(5):171–174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-5-56-169-182>

6. Krivorotov AK. Greenland and Denmark: Arctic Secessionism in a Global Powerplay. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021;14(1):128–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-6>
7. Iustinus Mlu. *Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi*. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
8. Alekseev SV. (trans.). *The chronicle of the priest of Duklyanin*. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
9. Denikin AI. *Istoriya russkoi smuty. Borba generala Kornilova. Avgust 1917 — april' 1918. [History of the Russian Time of Troubles. General Kornilov's Struggle. August 1917 — April 1918]*. Minsk; 2002. (In Russ.).
10. Primakov EM. *Mysli vsluh [Thoughts Out Loud]*. Moscow; 2011. (In Russ.).
11. Weber M. Nauka kak prizvanie i professiya [Science as a Vocation and Profession]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
12. Weber M. Smysl «svobody ot otsenki» v sotsiologicheskoi i ekonomicheskoi nauke [The Meaning of “Freedom from Evaluation” in Sociological and Economic Science]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
13. Tatham M, Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels. *European Union Politics*. 2014;15(2):145–178.
14. Mikeš M. *Bosna i Hercegovina i vladavina prava [Bosnia and Herzegovina and the rule of law]*. Atlantik, Banja Luka: Atlantik; 2008. (In Serb.).
15. Ponomareva EG. *Novye gosudarstva na Balkanah [New States in the Balkans]*. Moscow: MGIMO-Universitet; 2010. (In Russ.).
16. Chupic C. *Od vladavine kontrolisanog haosa do dobro urehenog demokratskog poretka, Nova srpska politichka misao [From the reign of controlled chaos to a well-ordered democratic order, New Serbian political thought]*. Beograd: Nova srpska politichka misao; 2001. (In Serb.).
17. Kuzmanovic R. *Ustavno parvo [Constitutional law]*. Banjo Luka: Pravni fakultet; 2002. (In Serb.).
18. Poplasen N. *Rushene Dejtona [Demolition of Dayton]*. Banja Luka: Insitit za mejunarodno pravo i mezhunarodnu poslovnu saradnju; 2001. (In Serb.).
19. Ramet SP. *Balkan babel: the disintegration of Yugoslavia from the death of Tito to the fall of Milošević*. Routledge; 2018.
20. Neskovic R. *Nedovršena drzhava. Politichki sistem Bosne i Hercegovine [An unfinished state. Political system of Bosnia and Herzegovina]*. Sarajevo: Friedrich Ebert Stiftung; 2013. (In Serb.).
21. Kuzmanovic R. *Eseji o ustavnosti i drzhavnosti [Essays on constitutionality and statehood]*. Banja Luka: Centar za publikacije Pravnog fakulteta; 2004. (In Serb.).
22. Calic MJ. *Geschichte Jugoslawiens im 20 Jahrhundert [History of Yugoslavia in the 20th Century]*. Wien: CH Beck; 2010.
23. Weber M. Politika kak prizvanie i professiya [Politics as a Vocation]. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow; 1990. (In Russ.).
24. Sundhaussen H. *Jugoslawien und seine Nachfolgestaaten 1943–2011: Eine ungewöhnliche Geschichte des Gewöhnlichen [Yugoslavia and its successor states 1943–2011: An unusual history of the ordinary]*. Böhlau, Wien; 2014.
25. Stojanovic D, Kamberovic H. *Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama — Kontroverze, interpretacije, nasljeđe [Wars of the 1990s in regional historiographies — Controversies, interpretations, legacy]*. Sarajevo, 2020.
26. Krajišnik M. *Kako se rachala Republika Srpska [How the Republika Srpska was born]*. Banja Luka: Besjeda; 2016. (In Serb.).
27. Nikiforov KV. “Nachertanie” Ilii Garashanina i vneshnyaya politika Serbii v 1842–1853 gg. [Ilija Garashanin's “The Draft” and Serbia's Foreign Policy in 1842–1853]. Moscow, 2015. (In Russ.).

28. Karaula Zh. Jedan povijesni izvor o nastanku ilirizma: “Kako je postao Ilirizam?” [One historical source on the origin of Illyrianism: “How did Illyrianism become?”]. *Zbornik Jankovich*. 2019;(4):112–138. (In Serb.).
29. Feldman A. Kállay’s dilemma on the challenge of creating a manageable identity in Bosnia and Herzegovina (1882–1903). *Review of Croatian History*. 2017;13(1):98–115.
30. Tretyakova M. *Makedoniya-2001. Novyi vitok krizisa: istoricheskie predposylki i politicheskie posledstviya* [Macedonia-2001. A New Round of Crisis: Historical Prerequisites and Political Consequences]. Moscow; 2021. (In Russ.).
31. Križanić J. *Politika* [Politics]. Moscow; 1965. (In Russ.).
32. Bachmann K. Orban-Rhetorik sorgt in Slowakei für düstere Vorahnungen [Orban’s rhetoric causes dark forebodings in Slovakia]. *Wiener Zeitung*. 7 März 2016.

Информация об авторах:

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: shabaga-av@rudn.ru ORCID: 0000-0001-7610-9721. SPIN-код: 6526-4436.

Коёвич Сара — аспирант кафедры теории и истории международных отношений, ассистент кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: koevich_s@pfur.ru

Information about authors:

Andrey V. Shabaga — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: shabaga-av@rudn.ru ORCID: 0000-0001-7610-9721. SPIN-code: 6526-4436.

Sara Kojovich — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, assistant of the Department of Foreign Languages, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: koevich_s@pfur.ru